

Даниил Понищев (9-й кл.)

ОТЕЦ НИКОДИМ

*Нет больше той любви,
еще кто положит душу свою за други своя.*

Ин. 15:13

Луч солнца, только что коснувшийся стен монастыря, затронул пристройки, прошёлся по куполу собора, осенил лужайку напротив домика наместника и в конце концов был принесён к фасаду братского корпуса. Свет проник в зашторенную келью, где тот пронёсся по полу, столу и оказался на измятой подушке, лежащей на железной кровати. Из-под одеяла послышался звук, напоминающий скрип старой двери, то открывающейся, то закрывающейся гуляющим ветром. Нехотя, но понимая, что надо, медленно поднялся и сел на край своего ложа худощавый мужчина лет сорока, с завязанными в косу волосами, слегка приоткрытыми глазами и в длинной белой рубашке. Это был иеромонах Никодим. Встав и совершив крестное знамение, батюшка, слегка пошатываясь, подошёл к окну, распахнул шторы и, потягиваясь, взглянул на часы, висевшие на монастырской башенке рядом с надвратной церковью, прищурившись и разобрав на них ещё половину шестого, отец Никодим не торопясь умылся, прочитал утреннее правило, облачился в подрясник, рясу и мантию, надел наперстный крест и, зевая, пошёл вдоль длинного, покрытого красным узорчатым ковром коридора. Выйдя из братского корпуса, батюшка второпях нацепил себе на голову клобук и, завернувшись в мантию, зашагал по монастырской площади, слегка подтупив голову. Дойдя до храма, отец Никодим открыл тугую дубовую дверь, перекрестился и, незаметно проследовав до солеи, скрылся, закрыв за собой диаконские врата.

– С праздником, отец родной! – с радушием, любовью, точно готовясь обнять, улыбаясь, произнёс отец Иоанн, иеродиакон преклонных лет, встретивший отца Никодима, который только что вошёл в алтарь.

– И вас, – сильно вздохнув, подходя к престолу, проговорил иеромонах.

Диакон, будучи человеком общительным, не намеревался закончить диалог одним лишь ответом, а как минимум ещё и побеседовать на весьма волнующие его темы: об атмосферном давлении, не дававшем покоя бедному отцу Иоанну уже неделю, об испачканной рясе, которую ему никак не могут отдать ризнице, о самой верхней ноте, которую диакон не может взять уже четвёртую литургию на ектенью, о вредной бабушке-свечнице, на которую отец Иоанн постоянно сетует, и о многом другом.

Пока диакон в своём помышлении составлял список подходящей тематики для разговора, он и не заметил, как отец Никодим внезапно скрылся где-то в ризнице, соединённой с алтарём.

«Облачается, видимо», – подумал отец Иоанн и, вздохнув, пошёл закладывать Евангелие на Литургию.

Но диакон был не прав. Вернее, прав, но не совсем: отец Никодим действительно облачался, уже надев подрясник, епитрахиль и поручи, батюшка сидел на старой табуретке и... плакал. Маленькие слёзы текли по его бледным щекам, ручейком шли к подбородку и падали на колени, покрытые белой ризой, оставляя после себя большие тёмные пятна. Для батюшки день и вправду начинался непросто.

«Как страшно и неизведанно», – крутилось в голове у отца Никодима.

Предметом его страха стало распоряжение священноначалия о распределении его полковым священником в один из отрядов на Донбассе. Об этом пока знал только он и отец наместник, отдавший судьбоносный лист бумаги ещё прошлым вечером.

Всё-таки найдя в себе силы и закончив облачаться, батюшка пошёл служить Литургию. В этот день было всё для него по-особенному: хор пел какими-то новыми, чуждыми голосами, отец Иоанн чётко и ясно читал Евангелие и ектеньи, сами люди были в этот день необычными, в храме не было ни одного печального лица, все чуть ли не светились от счастья и радости присутствия именно на этой Литургии. Отец Никодим хотел было тоже улыбнуться, но не смог. Овладевший им страх не давал поддаться ни одной эмоции. Отслужив обедню, батюшка, уже разоблачившись, посмотрел с тоской на свою фелонь и так же незаметно, как и вошёл в Божий дом, стал удаляться. Единственное, что его радовало сегодня, это Причастие, которое он принял в себя в сей таинственный и непонятный день.

Только выйдя из храма, отец Никодим сразу направился в сторону настоятельского домика, где его уже дожидался игумен обители – отец Филарет. Шагая по мостовой, батюшка, будучи человеком расчётливым, заранее подумывал о том, что может в его адрес сказать наместник: слова укрепления, пожелание ревностно исполнять свой пастырский долг, может быть, он процитирует для него слова какого-нибудь подвижника, что бы то ни было, отец Никодим не так сильно за это пережевывал, как за предстоящие события.

Когда батюшка вошёл в наместнические покои, пред ним сию же минуту предстала величественная фигура отца Филарета, которая представляла из себя длиннорядого мужчину, одетого в узорчатую на вороте рясу синеватого оттенка, пятидесяти лет отроду, не слишком полного, но и не совсем стройного, с весьма отличительными чертами лица: большими, грустными глазами, частыми морщинами на лбу и слегка заострённым носом.

Отец Никодим подошёл к игумену и, поклонившись, встал перед ним, чтобы начать напутственную беседу. Но наместник смотрел ему в лицо и молчал, так же как и следовавший его примеру отец Никодим. В настоятельском доме воцарилась гробовая тишина, только стук маятника напольных часов был слышен в просторном зале. Наконец, прервав эти минуты безмолвия, отец Филарет отошёл в свой кабинет и, немного прошуршав бумагой и постучав дверями своих шкафчиков, вышел с коробкой, в которую был бережно положен образ преподобного Сергия Радонежского.

– Есть на Руси древняя традиция: благословлять на всякое благое дело. Пусть преподобный Сергей благословит тебя и поможет укрепить твой дух в этом непростом деле.

Отец Никодим был вне себя от радости и прилива каких-то удивительных сил, будто сам преподобный Сергей стоял рядом с ним и благословлял его в предстоящем служении.

Подарив икону, отец Филарет произнёс:

– Помни, «вера твоя спасёт тебя».

Преисполненный ещё большей радости, батюшка вышел из настоятельских покоев. Чувство обеспокоенности, страх сошли на нет. Но на фоне всего этого отец Никодим понимал, какая это большая ответственность быть полковым священником.

Пролетели два дня, и батюшка, попрощавшись с родной обителью, поехал на Донбасс.

Отцу Никодиму была предоставлена возможность ехать в одном поезде с отрядом, который ему и предстояло окормлять. Сидя в одном вагоне с уже почти своими духовными детьми и читая Блаженного Августина, батюшка начал присматриваться к солдатам. Сильные, смелые, не падающие духом молодые ребята весело общались, рассказывали анекдоты, спрашивали друг у друга, кто из какого региона, – будто совершенно забыли, что они уходят туда, откуда можно не вернуться. Некоторых, особо выделяющихся своими эмоциями или поведением, отец Никодим успел хорошо запомнить. Среди таких был высокий, спортивного телосложения, с татуированной шеей молодой солдат по имени Андрей. Неприличные шутки и бранная ругань уже характеризовали его как человека, с которым батюшке придётся хорошо поработать. Но в противовес такому «школьному хулигану» всегда найдётся смиренный, воспитанный, с хорошей речью интеллигент, каким был Серёжа. Серёжа представлял из себя среднего роста, с длинной шеей молодого человека, хорошо начитанного, тоже весёлого и, на удивление, православного.

Неприятный толчок и медленное снижение скорости поезда означали, что прибытие будет с минуты на минуту. Отец Никодим начал, по своему обыкновению, не торопясь, вставать, собираться

и проходить к выходу. В дверях его случайно встретили двое молодых ребят в военной форме, которые с ним поздоровались и даже взяли благословение. С ещё большим настроением и приподнятым моральным духом батюшка проследовал вдоль вагона.

Спускаясь на перрон, к отцу Никодиму была обращена весьма неожиданная речь, слыша которую и даже немного растерявшись, он чуть не поскользнулся на подоле собственной рясы:

– О, поп! Только приехал, а уже отпевать кого-то собрался!

Оглянувшись назад, батюшка увидел ехидно улыбающегося Андрея. С сильным чувством разочарования батюшка вздохнул, взял в правую руку измазанный в грязи подол рясы, вздохнул и прошептал:

– Началось...

Догнавшие его Серёжа и ещё человек пять солдат почти хором извинились перед отцом Никодимом за Андрея, пытались оправдать его, что только внешне он кажется таким неприветливым и грубым, на самом же деле Андрей никогда не оставит в беде. Предложив помощь и не дожидаясь ответа батюшки, солдаты забрали из его рук двадцатикилограммовый чемодан с утварью и облачением, огромную сумку с вещами и зашагали вдоль мокрой, разбитой танками дороги.

Первый день после приезда на передовую у батюшки выдался тяжёлый. Небольшой каменный домик, отведённый для военного храма, нужно было благоустроить. Вдобавок ко всему, отец Никодим должен был не забывать поддерживать ежедневное общение с вверенной ему паствой. Проводя каждый вечер беседы на темы мужества, самопожертвования, осознания чувства долга перед своей Родиной, батюшка сочетал это разговорами на темы библейских сюжетов, что, разумеется, давало повод подколоть отца Никодима Андрею. Иеромонаху ничего не оставалось, кроме как учиться смиряться. Долго терпел он насмешки Андрея, которым не было конца и края.

Вся последующая неделя проходила в подобном ритме: утром молитва и, если военное положение позволит, даже литургия, в течение дня исповеди, продолжительные личные беседы, а по вечерам совместные разговоры. Отец Никодим не раз думал пожаловаться командиру отряда на выходки надоедливого Андрея, но батюшка всё же старался смиряться, ведь это его какое-никакое духовное чадо, за которое он несёт ответственность.

Вот прошли две недели, отец Никодим уже привык к вечно пасмурному небу, постоянным звукам далёкой перестрелки, снарядам, разрывающимся где-то в лесной глуши, лицу Андрея, ехидно смотрящего на батюшку при любой встрече. Дни, проходящие в таком настроении, бежали очень быстро, отец Никодим был уверен, что такая уравновешенность будет постоянной, но он был не прав.

Где-то около пяти утра, когда отряду оставалось спать не более полутора часов, а батюшке и во все час, всех разбудил оглушительный взрыв такой силы, что окна в хибарке отца Никодима были выбиты, а со стен упали иконы.

«Вот она – война!» – закрутилось в голове у проснувшегося с испуга батюшки.

Встав на колени перед кроватью и помолившись, отец Никодим быстро надел форму, бронежилет, сверху епитрахиль и крест, схватил тревный чемоданчик и побежал на помощь своему войску. Только выйдя из своего домика, батюшка увидел свой отряд, идущий в сторону надвигающегося противника.

– Отец Никодим! Слава богу, нашёл вас, пол-отряда просят исповедаться. Враг опять наступление начал, тяжёлую технику повёл, – задыхаясь, проговорил лейтенант, догнавший батюшку.

Сильные порывы ветра шли навстречу отцу Никодиму, его мысли и чувства кипели, сердце разрывалось от переживаний.

– Есть! Танк подбили! – послышалось в глубине леса.

Пробравшись через протоптанные чащи, батюшка пришёл к цели своего маршрута. Представшая перед ним страшная картина – пылающий вдали пожар, клубы дыма, поднимающиеся в вышину пасмурного неба, медленно надвигающаяся кучка людей и тонны огромной военной техники, пересекающие гектар степи, разделявший врага и своих, – наводила на отца Никодима небывалые ощущения самого настоящего ужаса, войны, которую он никогда не видел вживую. Вспомнив о благословении преподобного, отец Никодим побежал к своему отряду, где его встретил Серёжа:

– Быстрее! Быстрее, отец Никодим! Вас ждут!

Пройдя ещё вглубь леса, батюшка заметил прикрытые еловыми ветками несколько десятков оборонительной техники, рядом с которой стоял весь отряд. Отважно выполняя приказы и точно стреляя по противнику, каждый из солдат был сильным и мужественным.

Увидев отца Никодима, каждый, кто мог оставить на одну минуту с разрешения командира свой пост, подползал к батюшке и, упав в ноги, как умел, молился Богу, чтобы Тот его спас и сохранил. Прочитав разрешительную молитву над двумя десятками молодых бойцов, батюшка не покидал место сражения, непрестанно взывая к Богу. С крестом в руке отец Никодим сидел на коленях за кипящей военной работой и, как мог, укреплял их своей молитвой.

– Последний подбили! Последний есть! – раздался радостный голос командира, смотревшего в бинокль. Обрадованный батюшка поднялся с колен и уже хотел подойти к отряду, но вот она – смерть.

Последний снаряд отлетел от сразу взорвавшегося вражеского танка, перелетел через верхушки передних деревьев и упал в метре от отца Никодима. Закрутившийся и зашипевший, как кипящий чайник, снаряд будто был уготован именно батюшке. Смотря на то, как он летел к нему, отец Никодим видел перед собой все самые яркие моменты своей жизни: как пошёл в школу, как сдавал экзамены в семинарию, постриг, диаконская и священническая хиротонии. Самые страшные секунды жизни отца Никодима длились безумно долго.

– Отец! – вырвалось из толпы бойцов.

Батюшка увидел молодого солдата, кинувшегося на него и прикрывшего собой от разрывающегося снаряда. Последнее, что услышал отец Никодим, это жуткой силы взрыв и душераздирающий стон своего спасителя. Придя в себя, батюшка увидел над собой командира, солдат с бледными лицами и лежащее рядом с собой обезображенное тело в военной форме.

– Кто он? – испуская поток слёз, произнёс отец Никодим.

Отодвинув аккуратно положенный на лицо белый платок с красными пятнами, батюшка увидел лицо хорошо известного ему Андрея, которое сияло лучами благодати и надежды. Немного опустив взгляд, отец Никодим увидел на окровавленной, растерзанной груди своего спасителя маленький деревянный крестик на стёртой чёрной верёвочке, на оборотной стороне которого было написано: «Сим победиши»...

Прошло четыре месяца, отец Никодим вернулся в родной сердцу монастырь. Он и по сей день еженедельно ездит с благословения отца Филарета на кладбище за городом, где вместе с отцом Иоанном служит панихиду по усопшему рабу Божию Андрею и по всем убиенным воинам, павшим в бою за русский народ.